

Анатолий Антонов:

«В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ СИТУАЦИЯ В ОБЛАСТИ ПРО БУДЕТ ТОЙ ЛАКМУСОВОЙ БУМАЖКОЙ, КОТОРАЯ ПОКАЖЕТ РЕАЛЬНУЮ ГОТОВНОСТЬ СТОРОН К ЭФФЕКТИВНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ»

Каковы перспективы российско-американских отношений в военно-политической сфере? Какие существуют проблемы в процессе сокращения стратегических наступательных вооружений? Какие оценки получило российское предложение по построению единой системы ПРО?

Заместитель министра обороны по вопросам международного военного сотрудничества Анатолий Антонов отвечает на вопросы редакции журнала Индекс Безопасности¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что означает *перезагрузка* в российско-американских отношениях для сферы разоружения? Как можно сегодня оценить значение нового российско-американского договора по СНВ?

АНТОНОВ: Имеется несколько вариантов ответов на этот вопрос. В *перезагрузку* отношений России и США можно включать только российско-американский договор СНВ. Можно, кроме договора СНВ-3, включить туда Соглашение 123. Можно добавить еще и транзит в Афганистан через российскую территорию. Мне кажется, что *перезагрузка* включает также наше взаимодействие по Ирану и по ВТО. Примечательно, что некоторые коллеги говорят, будто *перезагрузка* закончилась и теперь главное – удержать российско-американские отношения на том уровне, на котором они находятся сегодня. Встает достаточно интересный вопрос: если считать, что *перезагрузка* закончилась – значит ли это, что раздражители и противоречия в российско-американских военно-политических связях исчезли? Я думаю, что правильный ответ состоит в том, что расхождения остаются и стороны работают сегодня над тем, как их устранить или, по крайней мере, как снизить негативный эффект этих раздражителей на российско-американские отношения.

Мне, как участнику переговоров СНВ, самому трудно оценить значение этого договора. Но обратите внимание на выступления политического руководства Российской Федерации – говоря о российско-американских отношениях, президент Д.А. Медведев везде на первое место ставит проблему СНВ. Это действительно крупное достижение. В ходе российско-американских переговоров по СНВ мы создали, как образно сказал министр иностранных дел России С.В. Лавров, *золотой стандарт* ведения переговоров и достижения договоренностей по достаточно сложным и противоречивым вопросам.

Об этом договоре уже много было сказано, тем не менее, нашим экспертам еще предстоит понять всю значимость тех или иных положений договора, и придет время, когда можно будет спокойно говорить о деталях, нюансах самих переговоров и том, что стоит порой между строк.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие проблемы остались нерешенными в ходе переговоров по СНВ?

Ю
Р
В
Р
Е
Н
И

АНТОНОВ: Переговоры по СНВ обнажили ряд принципиальных вопросов, без решения которых идти вперед будет очень трудно. Эти проблемы вышли из недр переговоров, и необходимость их решения была подтверждена двумя сторонами.

Первая из них, разумеется, – это взаимосвязь стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений. Эта проблема очень детально обсуждалась в ходе переговоров, порой из-за этой проблемы мы были на грани остановки нашей работы. Тем не менее, мы нашли компромисс. Временное разрешение этой проблемы позволило продолжить ход переговоров по СНВ.

Вторая проблема – это будущее оружия в космосе. Думаю, никто не хотел бы, чтобы над столицей его государства висело космическое оружие. Мы тоже этого не хотим.

Третья проблема – это существующий дисбаланс в обычных вооружениях. Мы знаем, что прошло несколько волн расширения НАТО. Произошло изменение баланса в обычных вооружениях в Европе. Мы знаем, что на сегодняшний день имеется огромный перевес в обычных вооружениях стран НАТО над Российской Федерацией. Все, чего бы хотела Российская Федерация, – это жить спокойно с тем, чтобы никаких военных опасностей или угроз не существовало на ее границах. Возьмем для примера так называемые *substantial combat forces* – *существенные боевые силы*. В 1997 г. между НАТО и Россией была достигнута договоренность о том, что, условно говоря, вблизи российских границ не должно появляться *существенных боевых сил* стран НАТО. За 14 лет определения *существенных боевых сил* не выработали. Почему же наши коллеги из НАТО не хотят разговаривать с Россией 14 лет и не хотят определиться и успокоить Россию, решив элементарный вопрос о дефиниции *субстантивных или существенных боевых сил*? Одновременно они хотят знать все, что происходит в российских вооруженных силах, с тем чтобы мы давали информацию, может быть, вплоть до батальона.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как обстоят дела с перспективами перевооружения высоко-технологического оружия в России? Можно ли утверждать, что Россия не готова к разговору о радикальных ядерных сокращениях, именно в силу слабости систем высоко-точного оружия? Видите ли вы перспективы такого перевооружения?

АНТОНОВ: Говорят, Россия не готова к радикальному ядерному разоружению. А кто сегодня готов к радикальному ядерному разоружению? Почему мы говорим только о России? Разве Франция, Великобритания, Китай заявляли о готовности к радикальному, я подчеркиваю, радикальному ядерному разоружению? Я уже не говорю о других участниках международного процесса в этой области.

Даже неядерные страны согласились на Обзорных конференциях ДНЯО 2000 г. и 2010 г., что ядерное разоружение должно осуществляться без подрыва безопасности (*undiminished security*) *каждого* участника Договора.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В интервью журналу постоянный представитель России при НАТО Д.О. Рогозин отметил, что ЕвроПРО будет существовать не как самостоятельный элемент, а как часть американской системы, что «кнопка находится в Вашингтоне». Согласитесь ли Вы, что в такой постановке логичнее обсуждать эти проблемы не в формате Россия–НАТО, а в формате Россия–США?

АНТОНОВ: Я думаю, в принципе, дело не в *кнопке*. Система управления ПРО – более изощренная, более сложная, чем просто нажатие кнопки, после которого все начнет работать. Я думаю, что Дмитрий Олегович говорил в более широком контексте – о том, что предлагает Россия в рамках Совета Россия–НАТО (СРН). Речь ведь идет о том, чтобы просто сесть вместе и поговорить о проблемах. В рамках СРН каждый имеет право голоса, мы там не работаем по принципу НАТО против России или Россия против НАТО.

Однако проблема в работе с НАТО все-таки есть. На мой взгляд, наши натовские коллеги работают чрезмерно быстро. Мы говорим: «Не надо торопиться! Не спешите! Давайте вместе сядем и поговорим. Какие последствия будут от развертывания европейского сегмента американской ПРО на европейском континенте?» Но, к сожалению, наши натовские друзья нас не слышат. Наоборот, очень быстро принимается решение в рамках

НАТО по реализации американского четырехфазного плана по адаптированной системе ПРО.

Не нужно торопиться. Мы предлагаем сесть и поговорить о проблемах, которые существуют в этой области. Мы говорим о том, что без понимания архитектуры системы ПРО не стоит строить какую-то систему *непонятно против кого*. Это все равно, что предлагать начинать строительство здания, не понимая, какой должен быть фундамент. Абсолютно не понимая, какой будет климат. Будет жаркий влажный климат или будет резко-континентальный климат. Стоит ли нам построить это здание из цемента, или нам будет достаточно обойтись бамбуком? Все что мы хотим – вместе с европейскими странами за одним столом переговоров обсудить эти проблемы и наметить, нарисовать чертеж этого здания. Нам пока говорят: «Нет, мы не готовы! Мы сами будем делать это без России. Хотите присоединиться к нам – присоединяйтесь. Но если вы не присоединитесь, значит, ваша политика неконструктивная, агрессивная, вы не хотите жить в одном доме с европейскими государствами». Мы готовы. Только к серьезному разговору, не разговору о лозунгах, а о том, что делают Россия, НАТО, чтоб защитить наш дом общеевропейский от какой-то потенциальной ракетной угрозы.

Не дай Бог, если то, что сейчас творится на Ближнем Востоке, скажется на Пакистане. Не дай Бог и там произойдут события, в которых никто не заинтересован! И вот тогда будет очень большая проблема и для России, и для стран НАТО, с учетом того потенциала, который есть в этой стране. Вот это серьезная проблема! Вот эти проблемы давайте обсуждать вместе, только серьезные проблемы, не иллюзорные.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как продвигается совместная работа групп экспертов по военно-политическим вопросам? Всегда ли им удается прийти к общему решению задач? Какие возможности существуют для расширения военного сотрудничества США и России в областях, не связанных с ПРО?

АНТОНОВ: В России существует несколько групп, которые работают по этой теме. Это группа по линии Министерства иностранных дел, по линии Министерства обороны. Они координируют свою работу со всеми ведомствами. В группе Министерства иностранных дел, к примеру, есть представители Министерства обороны. А в группе по линии Министерства обороны, по крайней мере, в будущем будут представители всех других ведомств, которые отвечают за национальную безопасность.

По результатам визита А.Э. Сердюкова в Вашингтон были созданы рабочие группы в военной области. Есть первые успехи, но необходимы дополнительные указания, для того чтобы группы активизировали свою деятельность. Хорошо начала действовать группа по военно-политическим вопросам. Хотелось бы сделать разговор специалистов более насыщенным и более сфокусированным на поиске решения по конкретным проблемам.

Очень перспективным является вопрос обмена военнослужащими, когда мы можем, например, послать в Аннаполис наших военнослужащих и так же принять курсантов в наших академиях. В группе по военно-техническому сотрудничеству мы должны сделать шаг навстречу друг другу и в ближайшее время завершить работу по соглашению по оборонным технологиям.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как развивается диалог России и стран НАТО, России и США по ПРО и вопросу о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений?

АНТОНОВ: Многие эксперты сейчас занимаются этими вопросами как в министерствах, которые отвечают за безопасность, так и в академических кругах. И вопрос этот, конечно, очень и очень серьезный. Американцы признавали, когда заключали с нами договор, значимость влияния стратегических оборонительных вооружений на стратегические наступательные вооружения. Американцы признали эту взаимосвязь, и сегодня это четко и ясно зафиксировано в преамбуле договора. Можно до бесконечности спорить – преамбула договора является юридически обязывающей или политически обязывающей. Но важно то, что *весь* договор был поддержан Соединенными Штатами Америки, а президент Обама поставил свою подпись под текстом *всего* договора. И сегодня понятно,

О
Б
В
Р
Е
Г
Н
И

С материалами по вопросам разоружения вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» на сайте ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/disarmament>

что чем больше будут развиваться противоракетные планы Соединенных Штатов Америки, тем больше проблем будет возникать у Российской Федерации в плане обеспечения национальной безопасности.

Если говорить о сотрудничестве России и стран НАТО по вопросу ПРО, то в этой постановке вопро-

са содержится смысл, что Россия и страны НАТО договорятся о необходимости такого взаимодействия, сотрудничества. Я не готов так однозначно сказать. Для любого сотрудничества нужна какая-то основа, нужны какие-то условия. Мы настаиваем на том, чтобы развитие любой системы ПРО не создавало проблем друг для друга.

На сегодняшний день есть планы по американской системе ПРО и есть европейский сегмент американской ПРО. Впрочем, американцы *подарили* или *предлагают подарить* европейским союзникам свою систему защиты. Говорят, что это будет стоить всего 200 млн евро для всех стран НАТО, но, по оценкам профессионалов в этой области, подобные цифры несерьезны. Наши европейские коллеги часто говорят, что будут сотрудничать с США только в том случае, если обеспокоенности Российской Федерации будут сняты. Но в большинстве случаев они предпочитают это говорить в кулуарах.

Сегодня в рамках НАТО мы ставим вопрос о снятии российских озабоченностей, а нас похлопывают по плечу и говорят, что все разрешится по ходу сотрудничества. Так не получится. Если мы оказываем кому-то помощь в создании оружия, мы хотим понимать, что это оружие не будет использовано против нас. И так по каждой проблеме, по которой Российская Федерация имеет свою точку зрения в плане обеспечения своей национальной безопасности.

Несмотря на эти сложности, мы делаем все возможное для того, чтобы не упустить существующий шанс для действительно реального равноправного диалога с западными государствами, со странами НАТО. В Лиссабоне президент Медведев предложил сделать единую систему противоракетной обороны. Что может быть лучше? Если мы стратегические партнеры, если мы друзья, то давайте вместе защищать друг друга, давайте не создавать вместе или друг другу проблемы в области обороны. И вдруг оказалось, что страны НАТО не готовы к столь далеко идущему взаимодействию в области ПРО. В средствах массовой информации было очень много критики российского предложения. В статьях ставились вопросы, как можно представить себе, что балтийские страны позволят русским защищать их безопасность; как можно представить, что восточно-европейские страны позволят российским системам противоракетной обороны защищать их. Так мы друзья, партнеры, союзники, мы кто? Или по-прежнему мы друг другу улыбаемся и держим нож за спиной? Наверное, в этом надо нам определиться и решить, готовы ли мы все к реальному равноправному сотрудничеству.

Понятно, что Соединенные Штаты Америки играют лидирующую роль в определении оборонительной концепции Альянса. Соответственно российско-американские отношения в военно-политической области, разумеется, затрагивают и отношения России со странами НАТО.

Если мы хотим на практике реализовать согласованный со всеми принцип неделимой безопасности – давайте делать это. И я думаю, что в ближайшее время ситуация в области ПРО будет той лакмусовой бумажкой, которая покажет реальную готовность каждой страны к эффективному равноправному взаимодействию друг с другом.

Примечания

¹ Текст интервью подготовлен на основе выступления А.И. Антонова на заседании Международного клуба *Триалог* «Перспективы российско-американских отношений в военно-политической области», прошедшем 30 марта 2011 г. в Москве.